

ОДРАН НЮКТЭ

Чумовые Истории

Пёстрый сборник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Одран Нюктэ

**Чумовые истории.
Пёстрый сборник**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Нюктэ О.

Чумовые истории. Пёстрый сборник / О. Нюктэ — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В апреле 2020 года страна дружно села на карантин. Прекрасный человек Жюли Торш предложила мне принять участие в писательском марафоне. По итогам "Марафона Чумовых Историй" уже напечатан отдельный сборник победителей в каждой теме. Данная книга - мои личные наработки за период апрель-май 2020 года и прежде никогда не издававшиеся крупные и не очень фрагменты архивов. В пестрый сборник вошли мои стихи, оригинальные рассказы, наброски повестей "С.А.Л.О.", "Лёд", "Синие ромашки", "Моранья", "Белый шум" и других. Содержит нецензурную брань.

© Нюктэ О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Былое (фрагмент романа)	5
МОРАНЬЯ 2.0	7
1.1 «Странная профессия» Синие Ромашки	15
1.3.День наоборот. Мыгури-Рыкатау	19
2. Гиблое место. Синие Ромашки	23
Диалоги с Бездной	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Былое (фрагмент романа)

При ясном небе откуда-то сыпал теплый частый грибной дождь. Мокрая трава щекотала ноги. Парило. Совокупляющиеся прямо в воздухе то ли жуки, то ли осы промчались мимо лица.

– Вы знаете разницу между убеждением и внушением? В первом случае процесс обмена информацией обоюдный, он основан на свободе мысли, на согласии, диалоге. Во втором же случае – процесс односторонний, идея насаждается исподволь, минуя сознание, вживляется прямо в темное, дремучее, животное начало. Оно чуждо логике, примитивно, недоказуемо. Оно довлеет над разумом. Оно его травмирует. Так и вы: вы жаждете почти религиозного катарсиса от вашей свиты. Позвольте мне стоять подле трона и помогать вам по собственной воле. Вы разоблачили себя, мой принц. Я вижу ваши шаги, а первое правило охотника – ничем себя не выдать, быть скрытным. Ваши труды напрасны. В вашей паутине – брешь.

– Уж не думаешь ли ты, что ускользнешь от меня, а, змей?..

Влад криво усмехнулся и, покачиваясь, прихрамывая на левую ногу, стал взбираться на холм. Он опирался на черную трость и, не смотря на боль, только еще прибавил шагу.

– Не тратьте время попусту, на зрелища и пропаганду. Да, далеко не всегда я вас понимаю. Постарайтесь выражаться яснее в разговоре со мной. Ни к чему дезинформировать союзника.

Влад шел рысью по знакомым местам, вольно, как орел летит, один беглый взгляд, одна скрытая от глаз чужака примета – и они сворачивают на каменистую, очень крутую тропку, ведущую наверх. Он нетерпеливо повел плечами, не оборачиваясь, кинул:

– Поздно мне меняться, и я слушаю тебя, принимаю твои слова, твоё решение, и не могу быть откровенным до конца даже с тобой. Никогда не смогу. Не проси. Тайна – моя броня.

– Для того, чтобы сделать правдоподобной одну ложь, понадобятся тысячи новых. Это ужасно неудобно. Всё в памяти не удержишь.

– О, приплыли! И кто это там мяукает мне про ложь и истину?.. – он резко остановился на четырех пятых подъема на холм, оскалил клыки в улыбке и прижал левую ладонь к уху, будто не расслышал. – Кто?.. Але'ксандрррр'у, миль херррц, примерный семьянин, отец двоих детей, что ни копейки чужого не возьмет, а, ну? Свежо предание! – Он рассмеялся, схватил его за плечи, приподнял как соломенную куклу, закружил в танце над внезапно разверзшейся под ними пропастью. – Любишь целоваться, да? – и, допрежь быстро и пребольно укусив в нижнюю губу, пленил, целовал неистово, глубоко, ненасытно, и поцелуи были солеными от крови.

– 'Любовь' в твоих устах слово слишком обиходное, чтобы выразить то, что меж нами стряслось. Для меня всегда есть границы, которыми нельзя пренебрегать. Есть дом и семья, есть работа, деловая сфера, и то, наконец, что ты назвал нашей 'любовью'. Я никогда не смешиваю одно с другим, и то, как ты себя ведешь, для меня вульгарно и неприемлемо.

– А! – Влад начертил босой пяткой на мокрой земле борозду и спокойно перешагнул её. – Я предпочитаю пересекать всяческие границы, брать их штурмом или измором. И когда ты оказываешься по сю сторону, выясняется, что они иллюзорны, их возводили людской страх и мелочное тщеславие.

Он встал так близко, что Саша увидел своё отражение в его изумрудных глазах.

– Здесь твоя родина? Красивые места.

– Да, это была моя родина. Этот водопад зовется "Семь струй" или, по-другому, "Могилы невесты". Там ниже, под скалами, опасная стремнина. Моя первая жена тут утопилась. Давай искупнёмся? Жарко.

Пока он говорил, скинул с себя всё и полез в водопад, издавая звериный рык и брызгаясь в Сашу из пригоршни.

– Вода с ледника, у меня от холода дыхание остановится.

– Иди, не бойся, вынцын, вынц, не растаешь, не сахарный. Надо всё в жизни испытать.

Поверь мне, ты умрешь даже не в этом тысячелетии.

Он рассмеялся, отфыркиваясь от попавшей в нос и рот воды, но всё же не потащил за собой Заможского. Тот посмотрел с опаской на мокрые камни и наклонился умыться лицо и руки, нет, не вскрикнул, но вода была столь обжигающе холодна, что пальцы онемели.

– Нравится водичка?.. Вымылся – всё равно что покрестился, ну?.. Да, тут моя родина, в Южных Карпатах. У тебя острое зрение? Глянь вон в том направлении. Видишь три сверкающие вершины, как пики, как волчьи клыки? Это Фыгэраш, Говерла и Кэлиман. Там, туда ближе, мой дом... А сейчас пойдём, белоручка моя, здесь неподалеку есть у меня охотничья хижина. Отдохнешь, поколаришь. Я пока ужин сооружу. А твои предки откуда родом?

– Из Силезии, из-под Велички.

– А.

– Что за мясо?

– Свинина подкопчёная. Не нравится вкус?

– Я чаще рыбу ел.

– Рыбку твою я помню, знатная! Жаль, фаршмак у твоей Адочки не довелось отведать! – цокнул языком, подмигнул, рассмеялся. Подбросил поленьев в костер, пламя весело трещало. Очага не было, просто в полуземлянке вырыта ямка и выложена плоскими камнями. Зрачки Влада сузились, внезапно он заговорил о другом:

– В руке колдуна всё может стать предметом силы. Волосом или травинкой можно погубить человека. Для перевоплощения в животное-посланника нужна лишь его часть, перо, коготь или кость. Если ты овЛАДеешь моим ремеслом, ты станешь вечным, свободным.

– Ты веришь в переселение души?

– Ахахаха, и ты поверишь, миль херц, пробьет час, убедишься!

Он опять замолчал, глядя в огонь, поглаживая черную рукоять ножа.

– Я тебя не понимаю. У тебя всё наизнанку и вверх тормашками. Верни меня назад, пожалуйста. Я не тесто и не глина. Оставьте ваши попытки изменить мою натуру под себя. Извольте обращаться со мною как с ценностью, если уж для вас все люди – материал, то я – величайшая редкость. Если мне суждено с вами тесно сотрудничать, не уподобляйтесь кастильским свинопасам, швыряющим андскую платину в океан. Я не потерплю, когда в моем доме ты устанавливаешь свои порядки.

– Ахахаха! Он меня проучить желает? Хорошо, будь по-твоему. Но лишь сегодня. Полная луна, Сатурн... Старые боги... Я пережил многое. Я умер тысячу раз.

– Вот наступят для тебя печальные часы потерь и сожалений – тогда и поговорим. Сейчас, с твоего возвышенного костяного трона ты меня не слышишь.

МОРАНЬЯ 2.0

(Этюд по экономической географии катастроф)

Закат. Вечный закат. Эреб. Стоящий перед ним печально качает головой. Едва различимо жужжат крохотные роторы в его напичканной проводами, поршнями и эластичными волокнами шее. Его голос похож на шелест ветра.

– Тебе понадобились годы, чтоб выдумать мне самую страшную пытку. Ты преуспел, миль херц.

– На, команду, распоряжайся. Они все твои. <фирменный коварный злодейский хохот> Что? Ты же не отступишься. Ты же не бросишь их в беде, в паутине страха.

– Они мертвы. Они все уже давно мертвы. И ты знаешь...

– Да, знаю. Самый верный способ разделаться с мятежным рабом – возвысить его, поставить сотником, надзирателем. О, дааааа!

"Что же это, голубчик, чего нихватишься – ничего нет? И в каждом окне по атеисту?" (с) – воистину такова моя Моранья-2.0: потому что и в бога они не веруют, потому что бога нет. Американская «дэйли миррор» и немецкая «блаблаблацайтунг» назвали Моранью ИМПЕРИЕЙ ЗОЛОТОГО НУЖНИКА. Описание земли Моранской в четырех главах. АПсурдопедия. Что же это, голубчик, у вас чего нихватишься-ничего нету? Воланд про АПсурдопедию. АГА, и в каждом окне по атеисту! АПсурдопедия про Фаланда.

Рождение сверх новой сверх сверх сверх. Затменье тысяч звезд. Абсолютный свет, заглядывающий на задворки самых нищих Галактик.

Сим начинаю описание экономической географии, культуры и новейшей истории Мораньи-Мораны. Всё по порядку...

Глава 1. Климат и нравы: здесь всё цветет.

Моранья-Морана расположена на континенте, формой напоминающем кастрюлю, где горы – это её периметр, а дно – просторная плодородная равнина с реками, текущими с ледников. Отличия той планеты (Иртмы) от Земли – полное отсутствие морей и океанов, а также какой-либо разумной живности за пределами этой утопической долины. Площадь равняется приблизительно Африке. Климатические условия благоприятствуют развитию сельского хозяйства. Зимы непродолжительные, теплые и влажные. Почвы – богатые минералами и органикой целинные черноземы. Преимущественно лесостепи и пойменные луга, встречаются заболоченные местности и овраги, но в основном ландшафты – это зеленые речные долины с холмами. Среднегодовые температуры за пятьдесят лет +12* по Цельсию, при летнем минимуме +38 и абсолютном максимуме +51, зимой же земля почти никогда не покрывается снегом, и средние температуры холодных месяцев +15, рекордный минимум -7. В горах наблюдается высотная зональность. Горы высокие, молодые, по всей стране часты землетрясения. Отсутствие океанов и спутников и приблизительно равная по толщине кора у этой довольно маленькой 0,7 земного диаметра планеты приводят к поистине колоссальным сейсмическим явлениям. Часто наблюдается т.н. "оседание континентов", т.е. в основном огромные каменные платформы не плавают на магме подобно айсбергам в ледяных полях Земли, но испытывают сжатие у полюсов и выталкиваются вверх или вниз с катастрофической быстротой. Природа за пределами долины Мораньи похожа на сернисто-вулканический ад, где за сутки с небольшим гора может обрушиться в пропасть в несколько километров глубиной или за ночь, будто грибы после дождя, появляются вулканические гряды. Так же там часты песчаные бури с ураганными ветрами и взрывы газов в подземных карстах. Возможно поэтому народы Мораньи никогда не отличались дерзким духом первооткрывателей и путешественников, охочих к перемене мест, обремененных поиском лучшей доли, которыми богата земная история. Всего в

долине пять крупных рек и приблизительно 211 притоков и рек поменьше, которые в давние времена пересыхали в летние месяцы, а на зиму приходилась пора половодий и наводнений. Строительство городов, в отличие от земных, также никогда не было привязано к наличию водоемов или возвышенностей, отвечающих военным или религиозным традициям. Старые постройки возводились преимущественно каменными и этажными, верхние этажи нависали над нижними и соединялись крытыми галереями-мостами друг с другом. Стены всегда были 10-15 метров толщиной, сужались кверху и удивительно устойчивы к столь частым землетрясениям. Сложно представить, сколько усилий требовалось первопоселенцам для возведения сложных архитектурных форм, но они быстро перешли на изготовление штампованных элементов, которые крепились всухую специальными г и с образными колодками из гранитных пород. Материал, использованный аборигенами, походил на нынешний полимерный камень и его аналоги.

Еще одно яркое отличие от землян, которые с самой зари своего существования в силу психологических особенностей вырабатывали сложные системы верований во что угодно, моранцы всегда оставались сухими рационалистами и педантами. И хотя эмоциональная сфера их была развита и не менее подвижна, чем людская, у них были и поэзия, и музыка, но они от начала до конца верили исключительно в технический прогресс, в шестерёнку и колесо, в бога-на-машине. Ударники-стахановцы и инженеры были в почете у этого общества, хотя чрезмерное расточительство ресурсов никогда не поощрялось. Этот замкнутый мирок, эдем, был для народа всем, колыбелью и житницей цивилизации. В чем-то принципы организации быта, общества оставались родство по крови и клановая иерархия. Это была не кастовая система браманской Индии, кланы мобильны и открыты, не было запрета на переход от одного "сюзерена" к другому, но кормиться из двух кормушек разом, мягко говоря, порицалось.

О том, что мир и порядок созданы искусственно неким искусственным творцом, не было тайной, но и не было предметом поклонения. Общество нацелено на результат, на настоящее и будущее, на удержание позиций, а не исследование прошлого. История не интересовала никого. Мистики и схоласты в Моранье никогда не существовали. То был мир формул и высокоэнергетических установок. И всё же общество было не просто расслоено, там процветала махровая сегрегация и рабовладение эпохи парогенераторов. "Рабочий класс" составлял большинство населения долины, а "правящая верхушка", этот скелет, позвоночник и нервный ствол едва ли превосходил 1% от общего числа народа. Хотя путешественнику или гостю могло показаться, что народ этот един, напрашивались аналогии с Римской Империей начала новой эры. Да, в стране была централизованная власть, единый язык и примерно один расовый облик обитателей, но диалекты северян и южан, горцев и жителей речных пойм сильно различались. Это было не просто различие интонаций, ударений, произношения, но зачастую ряды глаголов и имен собственных, будучи изначально однокоренными, теряли всякое сходство. Впрочем, это никому не мешало в силу развитой телепатии. При том, что столичный город был резиденцией правителя, в каждой отдельной области был свой собственный мини-властелин, глава клана, наделенный неограниченной свободой суда и самоуправления "на местах". Их и называли намести.

Семимильными шагами в землях Мораньи развивалась промышленность. Страна практически из аграрной мгновенно превратилась в индустриальную, хотя это не привело к отмиранию сельского хозяйства, но вывело его на более высокий уровень, всё стало механизированным и полуавтоматическим. Валюта, как таковая, не имела хождения, была простой данностью, удобной мерой учета валового продукта в пересчете на душу населения. В архитектуре стали преобладать полусферы и шести-, восьмигранные соты, из которых, как из конструктора, собирали кварталы.

При всем умеренно-влажном климате днем не велись никакие работы. Планета двигалась по эллиптической орбите вокруг светила в три раза превосходящего наше Солнце, день

и ночь сменяли друг друга с неравными промежутками, наклон оси вращения был меньше, и наблюдаемая смена времен года была как бы два долгих лета, одна короткая и одна длинная зима, которая почти всегда погружала мир в полярную ночь. Планета как будто качалась на качелях, а не катилась как мячик. Долина освещалась то сильнее, то слабее, то ныряла во мрак. Все эти природные явления нисколько не заботили инопланетян, ресурсов было достаточно, к смене сезонов готовились так, чтоб пережить каждый с наименьшими и целесообразными энергозатратами. В стране всё было эргономично, доступно и рационально. Летоисчисление велось по календарю, включавшему в себя двести дней световых и семьдесят пять темных. Сутки дробились на пять частей, четыре из которых отводились на работу и лишь 1/5 на отдых (в основном сон и прогулки за город). Каждый знал своё место чуть ни с пеленок, обучение оставалось долгим и утомительным процессом. Дети считались общими и одновременно – сами по себе. На Земле первые журналисты, заглянувшие в Моранью, обозвали её муравейником и осиным гнездом, настолько поразила их обобщественность всего и вся. Это была колония организмов, где всё работает будто часы, однажды заведенные неким, нет, не космическим импульсом, сложными биоритмами, но немуритори, у которого есть имя. Он создал весь этот хрупкий мир-коккон среди злых хищных звезд, населил его своими клонами и положил им законы. Все его потомки были не точными его копиями, но приближенными. Бульон, разбавленный водичкой. Гомункулы из лаборатории. Он был тираном в истинном драконовском ключе. Они были его испорченными детьми, рассеянными по обитаемой территории кочевниками. Это не нация, хотя в них просвечивали общие черты, гены их отца. И его изъяны. Но их было мало, я имею в виду количество созданных существ. Основное население откуда-то пришло. Они будто проснулись, как австралийские аборигены, все разом в этом месте. И по пробуждении поняли, что это их мир.

Нельзя сказать, что у всех них (а их наберется без малого четыре миллиона) отсутствовала способность думать или желание выяснить, почему и как, всё так, а не иначе (то – природа гуманоидов), но в глазах попавших в их страну землян все они выглядели вялыми и внушаемыми рабами, тогда как элита, намести, первородные прям лучились кипучей инициативой, их было невозможно своротить с избранного пути или в чем-то переубедить. Число населения оставалось примерно постоянным. Пока однажды...

Глава 2. История и политика: как страну шатало.

"Государство – это я". Так вполне мог думать о себе первый верховный правитель этого отнюдь не карликового государства. Это была империя, а он – её тиран. Затем, лет так через пятнадцать-двадцать успешного движения к светлому коммунистическому будущему, никого не спросясь, он исчез, вместо себя оставив никому не известного выскочку, Виго Сечу.

До того момента в стране не слыхивали ни о войнах, ни об оружии, ни о политической борьбе, как таковой. Каждый держался своего полуса, клана, исполнял свои обязанности и не заботился о делах соседа. Но тут вдруг всплеск необузданной пассионарности.

Виго правил не один. Вместе с Ксандром они составляли дуумвират. И это большой вопрос для маленькой такой компании, кто из них был главнее. Дуумвират продержался недолго. Союз из трех намести с северных гор лишил их полномочий. Тогда внезапно вернулся прежний тиран, уничтожил бунтовщиков и восстановил в правах бывших лидеров. Эта игра длилась без малого еще лет сорок. Наш всеобщий любимец вражиторе снова уехал, Ксандр постепенно вернул себе утраченные "рычаги власти", посадив своих шестерок. За эти годы менялся климат, стал суше и губительнее, выросла радиация, да и народ перестал быть безъязыким стадом, послушным рожку пастуха. Если уж на то пошло, первый и второй раз Создатель исчезал не по своей воле. Интриги, заговоры и покушения следовали чередой и вынудили его уйти.

Первая Эра. Мифическая. Якобы на планете Иртма проходили все положенные стадии её эволюции, как небесного тела. Потом из глубин космоса (параллельной Вселенной) явился

Чернокнижник, окинул этот унылый булыжник своими черно-зелеными волчьими глазами с искрой на дне- и образовалась чудная долина, куда он "вдохнул" жизнь, населив её своими клонами.

Второй этап. Первый день первого года в Моранью с Чернокнижником, чья должность теперь – Великий Констант, прибывают время от времени и остаются, один за другим, Виго Сеча и Ксандр Заможский. Виго всегда держится чуть в стороне, этакий миротворец, возится в политической песочнице, организует партию «Синяя Роза». Придется отбросить нерешительность и сочинить всё по новой. Короче, эти пра-пра-пра-синие Ромашки завяли, не разродившись семенами: напарник Вигин сгинул в результате обычного придворно-коридорного стремительно развернувшегося Заговора-N-1. Тут на сцену выскакивают все как один министры да губернаторы, руки по локоть в черной крови собратьев (хотела уже сказать – собутыльников). Тут тиран, отвлекшийся было на горести Старого Мира (Земли), резко возвращается и отшлепывает хулиганов да так, что те больше не могут кушать твердую пищу и пользоваться уборной. И вновь сваливает.

Кризис власти-1. Что-то типа междуцарствия и темных веков. По стране носятся орды гопников, Ксафа делает мило ручкой – и оказывается в кресле Константа, – как – кстати. Военная акция «Кулак ярости» завершается тотальным успехом. Виго прекращает стенать и лить ручьи слез по павшему товарищу – и вскакивает в постель новенького диктатора.

Выстрел Авроры.

В милое болото Мораньи был направлен тираном его талантливый-стерва-ученик Никки (на стажировку). Это было холостым выстрелом по Зимнему, который, однако, отозвался лавиной в горах. Потому что Никки напел Ксафе, что куда праотец не повержен (и его первейшие сподвижники – Виго и Шур, так сказать, его "первенцы"), то нечего и думать о безопасности и независимости этого анклава. Ксафа выслушал и сразу проголосовал "за". Виго он отправилковыряться в залежах урана, а Шу оказался пленником своей глупости.

Свершилось ужасное злодейство, Великая Битва Пятерых Смелых. В какой-то момент безголовая шайка рукоблудила самостийно. Никки, конечно, забавлялся как мог, дергая ниточки Ксафы, наивно полагавшего, что теперь-то он уже един хрен у кормила. Ребята неумно баловались со стихиями и киборгостроением, добились небывалых высот, и покати-лась их тележка под уклон. Нация отмирала без подпитки олдовой черной магией. В одиночестве все пробужденные тени, иллюзии, вновь обратились в таковых. Ангельский наш диктатор Ксафа укусил себя за локоть и полез в Старый Мир клеить новые лапы. Делегация упырей с бусами, одеялами и огненной водой полезла ущипнуть жирной индейки. Вообще весь тот мир накрылся медным тазом, рассыпался, схлопнулся. И никаких тимпанов-тамбуринов.

Тонкая красная линия

Вместо четырех миллионов мертвых душ (формально и буквально), в Австралийскую резервацию ахнули пара тысяч клонов. «Синие Ромашки» должны были бы выпустить облигации к юбилею. Шу и Ксафа обернулись знатными коммивояжерами, агентами бродячего цирка АКА "Изгнанники Мораньи". Они ездили с просветительскими лекциями и показом занимательных слайдов по городам и весям, пропихивая новый колин проект – освоение Красной планеты кровососами. Там они и впрямь осели надолго, колония их процветала, торговала с Землей. Ксафа вроде был помилован и водворился на трон. Дуумвират сохранялся, т.е. больше не было Великого Константа.

Меня так и подмывало подбавить красок и жестов в Моранью. Сделать этих солдафонов чуточку живее: хромыми, шепелявыми, одноглазыми. Или, наоборот, обозначить их стигматами Потустороннего мира?

Моранья неузнанная, крепко стоящая на рельсах неувыдаемого прогресса, запечатанная тройственным союзом вертикали власти, обреченная на зенит славы и гибель. О! Питайся ею и молчи. Ибо – регламент. Детище киберостроения. Куда как страшно нам с тобой, товарищ...

Во всем виднелась некая однобокость цивилизации. Они не знали бороны и плуга, не освоили воздух. Все населенные пункты были соединены однопорельсовой дорогой, вертигер, поднятой над землей. В этом мире не было никаких животных. Скотом здесь были люди, выми-рающее, задыхающееся племя. Инженерная мысль времен второй смуты породила рельсовые царь-пушки, одним выстрелом способные превратить вражеский город в пыль. Впрочем, они ни разу не использовались, потому что все руководители этого проекта были сосланы на работу в глубинные шахты и уже не вернулись оттуда. Трудящиеся питались синтетической органикой из выращиваемых плодов (3 урожая в год), а их правящий класс поддерживали себя инъекци-ями из определенным образом переработанной крови плебеев. Уж такая у них была диета, ни обрадуешься, из-за унаследованного от первопродка вируса (?). Если товарищи управленцы соблюдали режим, то чувствовали себя полубогами. В противном случае теряли всякое чело-веческое обличье, испытывали боль, слабели, солнце жгло их, а в тяжелых случаях они впадали в кому. Но до такого состояния никто себя не доводил. Это могло быть лишь наказание, пытка.

Впервые я не знаю, что писать. Потому что всю первую главу можно уничтожить, ули-чив во лжи. Весь тот мир – иллюзия, ein illusion. За пределами гор Урвэрвэ нет никакой сферической каменной планеты, нет луны и солнца, вообще ничего нет. Все эти народ, эти вырожденцы-упыри и их прихвостни – всё летО, мАра. То, как оно выглядит для каждого зрителя-участника игры, видится по-своему, т.е. Моранья субъективна. Поэтому одну и ту же историю все участники мелодрамы будут рассказывать по-своему. Потому для каждого тут свои ассоциации об увиденном. Ниневийские львы и крылатые быки Ассирии, Вавилония, ста-линский ампир, Римская республика. Что же дальше? Придется всё равно пасть жертвой соб-ственных фантазий, потому что в печенках печет, как страшно охота выговориться, вновь и вновь, строго по плану, господа, как есть.

Этот милейший во Вселенной предатель, Ксандр, источал аромат, запах тех самых "съешь их немедленно эти пышные вкусные булки", корица и ваниль, нотка гвоздики и миндаль. Он состоял в центристском отделении ультраправого крыла левых консерваторов. Дипломат: чело-век и саквоаж. «Разве не выполнял я свою работу добросовестно?»

Виго же обладал природным кислотато-теплым что ли запахом, вроде печенки в сметане. Особенно это чувствовалось, коли по долгу службы он по несколько суток не разувался, день и ночь в сапогах. Осень – время грустных мыслей. Отладить бы им всем микросхемы, этим бригадно-маршевым взводам жертвенных овец.

Купола города Мууурун матово поблескивали в свете белого дня. Погода стояла хорошая уже вот вторую пятидневку, ничто не предвещало беды, что небосвод расколется уродливой черно-огненной пастью с фиолетовыми венами молний, и вопреки всем знакомым с пеленок законам ньютоновской механики, земля полетит в багровеющее больное небо. Мои коневоды поспешили принять меры. Время как бы утратило свои зримые свойства, относительно дан-ной реальности оно прекратило движение, обернулось в точку. Обитатели могли сколь угодно долго мешкать, созывать съезды-конференции и симпозиумы, в итоге было велено эвакуиро-ваться с нехитрым скарбом на Землю. Кордон существовал всегда. Через него осуществлялось непрерывное, очень медленное движение сквозь Пространство-Между-Мирами. Мир криво-зубых кровососов, всеобщего равенства возможностей и чудовищной личностной деградации. Для Никки все миры – это процесс. Как водопад не место, не точка, не природный памятник, но всего лишь время. Что могу я сотворить, если буду постоянно оглядываться на Шварца, Гессе? Я просто сверну себе шею.

Река Кытат свинцовый груз воды своей катила по долине будто исполинский ледниковый бульдозер. Воды её холодны и смертельно-безжизненны.

Пахнет мокрой псиной и ржавчиной. О, нет- кровью. Контрреволюция? Полноте, неуместная шутка.

– Виго не человек.

– Позвольте, кто же он?

– Опытный вагоностроительный завод.

– Виго – порядочный человек. Чего не скажешь о редкостных мерзавцах из числа нам обоим знакомых. Я его уважаю и люблю.

– О, да! Но уже не настолько крепко, чтобы не наказывать за измену Родине?

Киборг несколько заметных секунд выглядел сбитым с толку. Он тяжело вздохнул и прикрыл половинку личика веером.

– Вот ты опять сбрасываешь в одну корзину плоды с разных деревьев. Где логика?

– Да, вот такой я неудобный оппонент, хаха.

– Ты знаешь, для меня бессмертие не цель, не груз, а инструмент. Провинность Виго Сечи – преступление против закона. И приговор един для всех.

– Уг, ну, ну, ты не сумел его спасти, потому что для тебя незыблемы параметры функций. Даже исключительный случай – всего лишь ошибка в системном уравнении. Виго – единица во множестве. Ничто.

– О, прекрати! Или я рассержусь.

– А что, что? Скажи! Ну же?

– Нет.

– Ну? Да че? Ну май, бун. Примэрь прэжин опомэрь пыркэлаб урлоп армаш тхорз...

– Вынужден засвидетельствовать, увы. Твоя тактика построения беседы всё та же. Чтоб тебя понять, полагаю, надо быть шизофреником. Ты даже теперь видишь в каждом слове, шаге угрозу и соперничество.

Качает грустно головой, механически, как заводная игрушка на пружинках, поворачивается к свету. Глаза загораются мягким розовым сиянием. Из граммофона льются который час неспешные, чарующие мелодии. Скрипки и клавесин. Звуки легкие, тихие, простые.

– Виго – по-прежнему часть нашего клана. Хочешь ты это признать или нет. Да, мы развелись. У нас теперь всё разное, и мы стали далеки. Но не сегодня и не вчера. Много лет тому назад. Если ты отвесишь еще скабрзную шутку о его физических особенностях...

– То что? Назови мне мои язвы, если не трус. Ну?

– Ты меня расстроишь.

– О, убей меня еще раз! Своим непогрешимым великодушием! Скажи лучше, нашел себе кого посочнее. В этом мире каждый теплокровный юноша – ходячий соблазн.

Ксандр ничего не ответил. Сначала тщательно изучал ногти и, удовлетворившись осмотром, сложил ручки на груди, закрыл глаза. Он не мог отрицать. Не мог соглашаться. В речи чернокнижника таились как осьминоги на дне кораллового рифа цепочки софизмов. Чуть дай повод – вцепиться с наслаждением. Выпьет.

Ди – с самой своей ужасающей миной торжества всепожирающего непоправимого зла на лице, руки в крови, кровь на лице, черная в свете луны: вот, держи крепко! Нравится?

Столица – город тысяч негаснущих звезд. Там такая политически-нездоровая атмосфера, что даже чихать рекомендуется не вслух, а про себя.

– Как дела?

– Дела у прокурора. У нас – война! У нас тут кругом война, мальчик. Думаешь, за что мы воюем? За людей. Что вы думаете об этом месте?

– Капкан. Волчья пасть.

Никки: я обеспечу вам транзит. Учтите, я хотя и лучший ученик Майесты В-а, но даже я не собираюсь делать нечто, противоречащее общим законам физики. Так что мост и врата будут открыты в благоприятный момент наибольшего сближения фронтов событий, пока центростремительные силы малы, и ими можно пренебречь, вынести за скобку.

– Практическое пособие по строительству мостов в иные пространства.

- Как бы в тусклом стекле.
- Сколько проскочит в твой туннель?
- Должны все.
- А могут?
- Гарантий не даю.
- Ты как Берроуз, беседующий с нагвалем.
- Хуанито тут нет.

Киборг 410000: сколько тебе понадобится операторов реальности?

Никки, считая в уме: три. Четыре это уже избыточно.

- Три, четыре? Это помимо тебя? Кого я могу взять?
- Ты, Виго, Рука и тот заключенный, без имени.
- Без него никак не обойтись?
- Используем его память как надежный кратный дополнительный подхост.
- Без его ведома и без задокументированного согласия? Я против.
- Тогда прибежит Харон и потребует плату за переправу. Одного из сотни.

Лицо киборга выразило колебания, его будто латексная, матовая, бархатистая кожа натянулась и покрылась сеточкой горестных морщинок.

– Но когда и на какой срок ты откроешь проход? И сколько граждан успеют им воспользоваться?

– Второго августа сего года, в ночные часы, длительностью? Скажем, стабильное соединение возможно не более десяти минут и двадцати четырех секунд. А оптимум для перехода ограничен восьмью минутами и десятью секундами. Думаю, первая партия переселенцев максимально, если они бегом преодолеют коридор или на транспорте... Это мы еще обдумаем... От трех до пяти тысяч душ.

- Один из сотни... Тридцать – пятьдесят человек? Это много.
- Это цена твоего отказа.

Никки выглядел без меры довольным, поставив киборга перед нелегким выбором.

- Почему ты всего добиваешься через шантаж?
- Потому что я лучший ученик нашего творца и повелителя!
- А как переправлять транспортом? Здесь же другая сила тяжести и нет аналогичных нашим монорельсов. Сбрасывать бронепоезда на холостом ходу на парашютах?

– Это поручи узким специалистам, хахаха. <показал, как будто ковыряет пальцем в жопе>
Я буду контролировать эвакуацию в целом.

- А следующая партия когда? Через год?
- С учетом смещения осей, через год, два дня, восемь часов и три минуты.
- Почему на Землю, а не напрямиком на Марс?
- На Марсе ничего не готово. Потренируетесь пока здесь. И людям будет полезно, и нам.
- За себя, за Виго я спокоен. Но как поведет себя Рука... Мне сложно прогнозировать.
- Как обычно. Повыкобенивается, поорет – и впряжется, и потащит побольше всех. А

нет – пригрози вынести и поставить вопрос о квалификации его слов и поступков перед трибуналом.

- А принимающая сторона?
- Назначь кого-нибудь вести переговоры от лица вашей республики. Кого-то из землян.

Вон Белка шикарно подойдет.

– Полгода на подготовку, восемь минут на переброску... Но у меня там четыре миллиона сограждан. Что я остальным скажу? Ждите очереди? Я могу переправить только самых пригодных, лучших из лучших? Возьму вот партию инженеров, строителей, врачей и кибернетиков, а все прочие – на убой?

– Ой, ой, трагедию не конструируй из пустого места. Подождут. Время здесь и время там – векторные единицы. На старушке-Земле пройдут года и столетия, как раз справимся. Всех возьмем, никого не оставим. Это только первый поток как через клапан: прикрутил – и пресеклось движение. Вторая очередь, я вижу, мы спустим пять и более беспилотников, а пассажиров можно усыпить, перевозить в транспортных ячейках, набить под завязку. Главное, найти компромисс с землянами, чтоб выдали нам территории для временных колоний.

– Ох, как это не понравится Руке... Он точно скажет, что я тащу народ в резервации, в заведомо смертоносные условия, что это замаскированный геноцид.

– Пересылай его ко мне, миль херц, я ему всё растолкую. Меня на кривой блохе не обскачешь. В Руке два метра и центнер весу, а во мне три метра, и руки у меня подлиннее будут. О, да, я всемогущ, когда мой богатый потенциал суммируется с потенциалами прочих!

Захохотал дико и исчез в разрыве ткани реальности, так быстро он прыгнул прочь, распрямив длинные, изогнутые в сочленениях назад, как у саранчи, ноги.

Переправлено миллион двести двадцать пять тысяч граждан... Миллион девятьсот пятьдесят тысяч пятьсот... Три миллиона пятьсот девяносто восемь тысяч триста шестьдесят один...

«В основном документе республики отсутствует параграф о смертной казни. Когда я только пришел к власти, мне стало известно, что в истории страны были случаи, не преданные народной огласке, когда всё-таки совершались казни. Так как это незаконно, это само по себе вопиющее преступление. Был введен мораторий, суд рассмотрел все дела и в большинстве случаев подсудимым вернули свободу, виновных наказали.»

В пустой зале его скромная фигурка не терялась, а привлекала напряженное внимание. Его тихий, ровный, немного механический голос ловили люди, как он, на четверть или даже наполовину киборги, практически все – носители эмблемы трудового союза. Заседание парламента, где большинство – за партией сосланного консула... Жутковатая строгость во взглядах: что еще ты нам скажешь, вождь?

1.1 «Странная профессия» Синие Ромашки

В слякоть глинозёмы плыли, непроходимая вязкая грязь заполняла весь внутренний двор перед арендуемой мастерской – специально на этот случай припрятана пара резиновых сапог на три размера больше, чтобы нырнуть в их холодящее вместилище, не снимая дорогих модельных ботинок, прошлёпать до барака и, достигнув сухого места, перебросить обувь следующему работнику из числа "Синих Ромашек". И эффективно, и какое-никакое развлечение. Ди приходил первым, отпирал дверь, включал обогреватель. Клетчатое чёрно-фиолетово-розовое пальто дорогой шерсти запирал в шкаф, предварительно убрав в чехол. Полосатая кофточка (вылитый Крюгер) обтягивала его узкие грудь и плечи. Поверх – синий передник. Лучшее всего работалось под умиротворяющее пение "Потерянных детей Евы". И заказчики проникались атмосферой, понижали голос и забывали о претензиях вроде "наш дедушка-атеист ни за что не хотел, чтобы на его надгробии вы рисовали крест" или "какого чёрта... эта морда совсем не похожа на моего Яшу!" Воздух в помещении одновременно умудрялся быть свежим и нести в себе запахи – стружек, церковных благовоний и парфюмированной лимонной воды.

Художник, утопая в неприятно чавкающей грязи, кое-как добрался до места. Бэзил порадовался, что в гараже №13 было сухо и тепло; опилки, краска, груды необработанного камня. Из-за стола выступил Ди в фартуке и гордо дал полюбоваться свежей визиткой. На одной стороне визитки значилось: "Синие Ромашки! Мы электрифицируем для Вас даже дровяной сарайчик!" – и перечень услуг, а на обороте – "Синие Ромашки! Мы увековечим Вас в чём угодно! Если, конечно, Вы умерли, а не спите."

– "Not dead, but dreaming..." – с непонятной интонацией, но внятно прошептал Бэзил, возвращая карточку.

– "That is not dead wich can eternal lie and with strange aeons even the death may die", – подхватил Ди, чьи глаза зажглись и рот разъехался в победной усмешке. – Ребята, а он не так прост, наш художник! Я знал, я чувал, что в нём – звезда!

Ди с любовью и знанием дела резал селёдку и раскладывал на пожелтевшем листе с надписью: "Газета Буковина. Заснована у 1885 року".

– Да он только по верхам проскакал, а ты уже души в нём не чаешь. И не вздумай его учить! Уже слезу – глаз горит, руки так и чешутся.

Ди рассмеялся на такое обвинение и заключил Вику, едва по грудь ростом, в объятия.

– "Не кручинься, молвила слэшерская муза", ему такое знание ни к чему. Ведь правда, Бэзил, ты смыслишь в этом ровно столько, чтобы уметь избегать Невыразимого?

Художник несколько дёргано отбросил тряпку, которой вытирал руки, проигнорировал вопрос и запричитал своё.

– Ах, и зачем вы только меня позвали! Делать мне больше нечего как срисовывать с фотографий плоских однообразных покойников.

– Ну, извини, оригинал, так сказать, а-ля натюрэль, уже закопан. Но, если душа твоя просит, – мы можем тебе его вырыть.

– Да я не про то!! Я из артиста, мастера становлюсь... маляром!!! И ради чего?.. – не найдя ответа, закусив губу, принялся размашисто рисовать.

– Ты чего такой хмурый?

– зуб болит.

– Вик, завари-ка ему Ымских трав.

– Ща! Я заварю, а у него второе внимание откроется – представь, сколько брака он нагонит?!

– Приморьенный копиист жаждет авангарда и отрыва ну формы.

– За отрыв от формы родственники клиентов нам самим поотрывают так что, пусть соберется и продолжит унылое следование образу.

– Почему я должен вам помогать? Я смотрю, вы и сами неплохо управляетесь. Я видел, под навесом, на улице, готовые памятники? – безупречная техника, один в один, будто на машинке.

– Сахарный вы наш, мы вам о сроках и темпах. Мы сожалеем, что отрываем вас от творчества, но мы с трудом успеваем, а скоро – Новый Гот, и нам – электрифицировать каждый сарайчик!

И тут уж загалдели все: – но ты не отчаивайся! Не кисни, брат! А у нас для тебя...

– Мы с ребятами обсудили и решили подарить тебе...

С улыбкой, наполненной таинственностью и озорством, Ди засунул обе руки в коробку...

И достал оттуда махонького пищащего котенка.

– Господи, я готовился к чему угодно, но – вот это сюрприз!

Художник осторожно подставил ладони под теплое тельце котенка.

– Поздравляем: теперь у тебя есть котосигнализация!

Холлуорд будто оглох, рассеяно и восторженно держась за крохотные лапки с прозрачными, мягкими коготками. На него смотрели два серьезных серо-голубых глаза, а дымчатая шерстка казалась тончайшей серебряной аурой. Выражение мордочки отражало нелегкое понимание времени мира, подкрепленное воистину буддийски-философским спокойствием.

– И это... Мне? – наконец ахнул Василий Георгиевич, проникшись этим близким чудом.

– Тебе. Это мальчик, и он очень привередлив в выборе еды. Ему нельзя простужаться. Он всегда останется котенком. Если ты услышишь, как он фырчит, а это невозможно пропустить мимо ушей, – то это сигнал "стоп-машина".

– В каком смысле? – озадачился Бэзил, вертя котенка так и этак.

– В том самом.

– О-о-о, – Холлуорд перевел взгляд с котенка на Ди и обратно. Покраснел.

– Коробка прилагается. Это... Котенок в кубе. Котосигнализация!

...перемены затронули и Вику. Раздосадованный андрогин уступил место коренастой круглолицей женщине с раскосыми глазами. Как рукой сняло все нелепые выходки, ядовитые изречения и революционное рвение. Она так лихо вела дела конторы "Синие Ромашки", будто лишь для того на свет и народилась. Пресловутые инженерный ум и способности Идеального Убийцы остались при ней, но она не размахивала ими как флагом, а скорее, заперла в сундук с приданым. Каждый день наблюдая Викуны сноровку и спокойный, удовлетворенный взгляд, Шур уверился, что их маленький мир действительно встал на какие-то доселе незнакомые рельсы. Ди ухитрялся так строить вокруг себя отношения, что, хотя в этом доме все спали со всеми, еще ни разу не возникло неловкости и разочарования, после которых от недели до месяца ходишь квёлый и коришь себя на чем свет стоит.

Область, где они сейчас подбирали себе клиентов, простиралась от Дубаи до Индонезии, и не всегда было удобно возвращаться в "Два Шпиля". Ксандр со скуки нашел себе работу корректора (раз уж пост министра поблизости от жилья никто не предлагал), вдохновенно чиркал правки и ухаживал за добрым зверем – Май-Мэдсин-Квин-Валерианой. Странно, как еще ни завёл граммофон со скрипичными концертами на пластинках и портрет Оскара Уайльда, по старой-то памяти. Хо же, как видно, перемены не понравились. Изредка заскакивало, сжирало бифштекс из половины телёнка и уносилось обратно, на великую вселенскую стройку. Это вам не БАМ.

– Ну, что, уже получил в табло от капитана Бартоломью?

– Эта шутка утратила новизну. Уэльс, Новый Южный Уэльс, а это что?

– Третий заказ – особый. Там вы без меня не справитесь. И не смотри на меня так, о, вкусивший со всех деревьев. Тебе туда даже не пройти.

– Буду иметь в виду, – согласился Ди, берясь за сумки с инструментами. – Японский макак! Что ты туда положила?

– Всё, что может понадобиться для работы – приборы, расходные материалы, кабели, леса... Это неевклидовы сумки. Не волнуйся, с первой прибыли я куплю нам подержанный зеленый фургончик мерседес, я уже присмотрела. И пациент, между прочим, терпеливый, миль херц.

– Поскорей бы, – благодарность покривила ему рот. – Шу! Помоги мне, пожалуйста. Мне даже их не сдвинуть.

Шу со всей своей нечеловеческой силищей, крикнул с натуги, но приподнял и поволок к выходу. Вика и Ди обменялись долгими взглядами. Ах, рабочая одежда ко безусловно шла, а совместное предприятие – что может быть лучше для склеивания разрушающихся союзов? "Твой художник, он нам все карты путает." – "Мы еще поговорим об этом." – "Конечно".

– Сэр Стюарт Флинн Маклахи? – с сомнением спросил Макс у черноволосого бородатого дядьки, похожего на сирийца, да еще в парчовом халате и остроносых красных туфлях, ждущего их у почтового ящика.

– А вы эти, зе блю кэмомайл?

– Еа, они самые. Сейчас мы осмотрим дом, вы подпишете смету, и мы начнем ремонт. О боги! Вы что, здесь живете?!

Дом выглядел ужасно. Может, его строительство и было верхом торжества безвкусицы, но не сжигать же его за огрехи проектирования?

– Нет, у меня квартира в Лондоне, а здесь – родовое имение.

– Что тут произошло?

– Проводка сгорела.

Макс в невеселой задумчивости изучил вверенное ему сооружение, громадный, холодный, черный гроб. "Вика, что, издевается? – распахнулся Ди. – Здесь работы на месяц, а сколько у нас времени?" Шу ходивший за ним след в след и записывающий в стандартный бланк углы, уровни, длины, поскреб сквозь футболку грудь, лениво зевнул и ответил: "Должны справиться до обеда." Следовавший за рабочими хозяин прислушался и спросил: "Вы что, корнцы?" – "Нет, мы из Хихидирикирка, остров Мэн," – съязвил Макс, зная, что ему поверят. "Так вы беретесь за дело?" – "Сей момент! Только поставьте закорючки здесь и здесь, мистер Малахахи." – "Маклахи." – "О, е."

Начав работы около одиннадцати, к половине второго они, в общем-то, справились и уже монтировали щит с переключателями, гм, пробками, как Маклахи неожиданно робко и елейно попросил заглянуть также и в подвал. "наш девиз – мы электризуем для Вас даже дровяной сарайчик! О чем речь, сэр, – ведите!"

– Что за опыты вы здесь ставили? – подозрительно прищурясь, закусил губу макс, уперев руки в боки. Под их ботинками хрустели стекла лабораторной посуды, спёртый воздух вонял сероводородом, а на железном столе, навроде операционного, лежал человеческий скелет.

– О, я сдавал его в аренду для кино съемок. наверное, ребята забыли часть оборудования.

– Весьма похоже, – покивал многозначительно Ди, пока Шу вкручивал лампочки. Вспыхнувший свет озарил заляпанный тёмными пятнами, исчерченный меловыми знаками потолок. От увиденного остался гадкий вкус.

– Откуда я могу знать Малкахи?

– Может, он выступал в совете Лиги, прежней, до Яноша?

– Не помню. не помню, и это меня страшно злит.

– Обычный колдун-сатанист, что в нем опасного?

– Он не из наших.

– Прости, но пока ты был выключен из этой цепи, мог подрасти новый урожай черно-книжников, – грубовато посмеялся Шу над его амбициями.

"Они хуже конной полиции," – пробормотал, глядя в Ничто, Ди.

– Да заткнешься ты или нет?! работаем на опасном объекте, а ты ни на секунду не замолчишь!!

– Всё-всё, больше ни-ни. А вот...

– Что, опять?!

– Всё, знаю, знаю, молчи – и копай. Отсюда – копай прямо пятьдесят метров, а потом – пока не надоест. Или пока копалку не отберут. Мне бы массажик. Спина не разгибается.

– Будет. Я уже вижу, что массажист готов, аж рвется. Сосредоточься, милый. Накосячим – собирать по крупицам придется.

– Объект?

– Нас.

Больше до конца работы никто слова не проронил. Тихо жужжали генераторы. Тени от лопастей вентилятора словно мельничные великаны кружились до тошноты на стене напротив.

1.3. День наоборот. Мыгури-Рыкатау

Доктор Вильшински поглядел на часы. Глубоко за полночь. Поздний гость! У незнакомца было множество особых примет. Так много, что за ними всеми его личность как-то терялась, как тигра скрывает полосатая шкура. Он в разговоре неприятно облизывал сухие губы, произносил слова с сильным акцентом, употребляя чуть не через фразу венгерский, но и его искажал до неузнаваемости. В руках он держал выдавшую виды барашковую шапку. Доктор заметил, что на правой руке у гостя недостает безымянного пальца, а запястье левой опоясывает рубец. Седеющие всклокоченные волосы, залысины над высоким, морщинистым лбом. Брови густые, черные, нос тонкий, длинный, с горбинкой. Одет бедно, но выбрит гладко. В глазах – типичное выражение пациента с острой болью, вынужденного сидеть в очереди.

– Хорошо, хорошо. Успокойтесь и повторите еще раз, помедленнее, пожалуйста.

– Вы меня не помните, да? Что ж, это в порядке вещей. Вы что, думаете, если бы у меня было к кому обратиться за помощью, я пришел бы к вам, нарушать ваш покой, смущать и нервировать? У меня ведь нет ни одного врача знакомого. Ну, кому можно довериться. Один врач есть, но я его и врагу не посоветую, это же катастрофа, а не хирург. А самого себя оперировать... Я уже так и этак примерялся – неудобно. Без зеркала. Вот мои условия: вы будете оперировать бесплатно, без анестезии и ассистентов, инструменты и материалы, используемые в операции, я заберу с собой, чтобы уничтожить, так же и рентгеновский снимок. Вы никому никогда не должны говорить об этом случае. Никогда и никаким образом вы тем более не можете написать об этом – научно, публицистически, как и где угодно. Вы немолоды. Я тоже.

– Что же вы не войдете?

– Жду приглашения.

– Вы точно не можете подождать?

– Ожидание. Рискованно. Для меня. И для вас.

– Но, о боже, я же не собираюсь вас убивать.

– Я вас тоже, представьте себе? Назовите это паранойей, но промедление чревато, что меня выследят. А вместе с тем – и ваш дом, вашу семью.

– Заходите. Я сделаю всё, что в моих силах. И именно так, как вы просите.

– Вы меня очень обяжете. Если мне повезет отблагодарить в дальнейшем вас или ваш род, я не откажусь от своих слов. У меня и на добро, и на зло память отличная.

– И всё же вы пользуетесь тем, что я, как врач и добрый христианин, не могу отвернуться от обратившегося за помощью.

– Да. И я прошу простить меня. Я понимаю, как вам тяжело грех на душу брать.

– Удалить четыре клыка без обезболивания за один визит, да еще такие... неординарные. Такого во всей моей практике...

– Да. Такого, пожалуй, вообще, от Адама, – не происходило. Уникум.

– Что же... привело... вас?

– Нонсенс: любовь. Да-да. Хочу жениться на прекрасной женщине, вот уже полгода как.

– Но ведь эта операция... всё же носит... скорее косметический характер? Она не изменит... вашей сути.

– Конечно, нет. И всё же нам будет спокойнее. Мне надоело. Я же не пещерный зверь какой. Я пришел к вам, потому что не смогу заплатить за молчание. Это не испытание на силу воли, верность долгу или что еще. Увы, так обернулись обстоятельства, что у меня сейчас не лучшие времена. Единственное, что могу предложить за вашу помощь – гостеприимство. Вот, посмотрите, это мой будущий адрес.

Он указал острым ногтем на топографической карте мелкого масштаба, тут же спрятал в карман.

– Это наш будущий дом. Я его куплю ближе к Новому году. Все деньги, которые удастся заработать, я сейчас трачу именно на это. Если бы вы согласились сделать операцию в долг... Боюсь, это бы вас оскорбило.

– Вы меня насквозь видите.

– Ну вы-то меня сразу раскусили.

– Сам не знаю, как подступиться. Вы уверены, что лучше сэкономить на лекарствах?

– Всё просто: я когда-то злоупотреблял препаратами морфинового ряда. И теперь ничего не поможет. Не бойтесь, крови не будет вовсе. Режьте смело.

– А потом как? Шовный материал оставить в ране? Придете снимать швы? Срастется ли кость? Она кажется такой старой... Э... хрупкой. А если абсцесс?

– Не бойтесь, доктор. Я вот – уже не боюсь. Зовите меня Беркаши Ласло. Будем друзьями. Настройтесь на победу, и – вперед! На счет приглашения заехать к нам в гости – я совершенно серьезно. Будущей весной, когда вода спадет. Мне же иногда хочется пообщаться с живыми людьми...

Куплены были только нейлоновые веревки, гвозди и деревянные балки перекрытий. Не было ни обоев, ни стекла. Известковая побелка, ставни из выдавшей вида серой древесины и открытый очаг без трубы. Сверху свисали пучки соломы, вытасенные птицами из крыши. Пол был земляной, у очага – топчан с облезлой шкуркой и двумя шерстяными одеялами. Подушки и простыни, скатерть на грубо сколоченном столе впрочем, тоже присутствовали. Плюс четыре плетеные кресла, табурет и ведро.

– Дорогая, что ты скажешь, если в тесте на психологическую совместимость я набрал 128 из 281?

– Дорогой, я скажу, что в нем смысла не больше, чем в песне о мужчине в черном пальто, который танцует с чертями и курами. Лучше брать слоеное тесто, оно надежнее. Не играет роли, нас распишет какой-нибудь чиновник.

– Знаешь, я хочу жениться на тебе. Жениться перед богом и людьми.

– Хочешь сделать из меня порядочную женщину?

– Нет. Это я вел себя нечестно. Мне надо... опомниться.

– Ты должен спросить моего согласия. Это называется "сделать предложение". Я это пропустила?

– О. Ты выйдешь за несчастного глупого старика?

– О. Ну разве что – в последний раз. Я пытаюсь объяснить тебе, что вчерашняя боль – это частица сегодняшнего счастья. Не надо закрывать двери. На улице зябко. Пусть стучат – и заходят в дом. Я не удивлюсь, если твои бывшие фавориты залезут и сюда. Они как тараканы, что ли? Нет, клопы. Мне ужасно не хочется узнавать ближе их привычки, их прозвища и заслуги в той, твоей прошлой не-жизни. Ты был как бы ледяной принц пиявок, мои поздравления. Но вдруг кто из них – Златоуст, и вовсе не за красноречие?... Брр.

– Когда льется кровь, надо или пить её, или умереть, – ответил он ей тихо по-гречески.

– Что? Мы ведь в эти горы полезли исключительно, чтобы скрыться от них, или нет, любоваться видами?

Она фыркала в огонь, ворочая уголья ломиком. На полке из плоских камней стояли медные кастрюли и кувшины.

Шур сидел в тени гигантского болиголова, обмахиваясь его ветвью вместо веера. На улице припекало.

– Вы пол оставите земляным или положите деревянный настил? Если чё – зовите, помогу.

– Много вас тут, помощников, шныряет.

– Много-не много, но я реально помогу.

– У вас тут миленько. Нет, правда. Бэз хотел даже переступить через свою гордость творца и расписать вам набор посуды. Петухами. Под Хохлому. Да кому я говорю? Вообще-то я пришел за кольцом.

– О, оно не снимается, я уже пытался, увы.

– Я это предусмотрел.

И с этими словами он полез в нагрудный карман и вытащил элегантную мини-гильотину для сигар.

– Тебе, что, не жаль одного моего пальца?!

– А тебе, что, жаль? Пожертвовав двумя фалангами, ты спасешься от худших зол.

– Будь это моя левая рука – я бы ни секунды не раздумывал, на, распарывай шов и забирай всю кисть, играйся, пока не надоест. Но эта же – моя собственная.

– Человеку, даже семи пядей во лбу, безымянный палец в принципе ни к чему. Все люди обычно превосходно манипулируют тремя первыми. Нейрохирурги не исключение.

Дальше они молча мерили друг друга взглядами. Не было в них ни злобы, ни ревности, ни желаний. Любопытство? Спокойное, чуточку самолюбивое признание чужой силы.

– Я подарю тебе ситечко для чаю. А Юленька просил передать этот брелок в виде боксерской перчатки, прицепишь к ключам от твоего эксклюзивного авто. О о о. На такой свадьбе еще никто из нас на своем веку не гуливал. Делаем ставки! Я за Сметану!

Чик – и нету.

– Мастера гуманности были эти революционеры. Усекновение главы поставить на конвейер... Ай.

Крови не выдоилось и капли, но, однако же... Он расслабленно откинулся, потирая лоб тыльной стороной увечной руки. А Шур с ловкостью кошки подхватил упавшую реликвию, палец выкинул в окно – э! – а перстень сунул в платочек, а платочек в нагрудный карман.

– Не смею боле вас стеснять.

И откланялся.

– Я хотел Жибе пригласить. Как думаешь, ради такого дела его отпустят?

– А что, думаешь, нет?

– Э! Эй! Палец-то мог на лед положить, а не швырять будто корм свиньям.

Аиша оперлась грудью о стол, извив бровей змеями струился по довольному лицу.

– Скажу банальность: ну и пи****с этот твой Молохов.

– Ты еще с моими дорогими родственниками не знакома. Я тебе рассказывал о брате Раду, дяде Яноше и зяте Атиле?.. Тут поможет разве что Валерьянка.

И та действительно помогла, притащив из сада отрезанный палец. Но он не стал его пришивать, покривился, сжег в печи.

– Душа моя как дорогой рояль. Но он заперт, а ключ потерян.

Или нет?... Ведь тогда как же потом они ловили рыбу на палец с кольцом?..

Из динамиков кассетника лились:

«Де че плыннг китареле, струнеле, амареле, ту йубирэ спунеле, не реприндэ эсэмэс... М'ам нэскут динамовист, шаб да мор динамовист, еу мэреу тебо юбиск, динамо! Хайдудудудудуй!»

Это горькое чувство утраты, когда машинально вертишь кольцо на пальце – и замечаешь, что ни кольца, ни самоё пальца у тебя больше нет...

– Налейте мне сыкырики да побольше, побольше, и отойдите.

– Ну и рожи.

– Что, недостаточно выразительны?

– Через край.

– Мы с женой хотим поблагодарить всех гостей.

– Мы всё ждем, когда нам скажут, а они – молчат. Чесслово. Мы так ждали, что будет драка. Всё ждали, ждали... На церемонии – нет. На банкете – нет. После свадьбы – нет. Прямо жаль потраченного времени.

– Просто мы все ждем новостей, а нам ничего не говорят.

– Ага. Вот я этого и боюсь. Мы все этого боимся.

– Знаешь, я – балда.

– Знаю.

– Господи, у меня такое беспокойное чувство. Внизу не дежурит психиатричка?

– А было бы кстати, да?

2. Гиблое место. Синие Ромашки

Разлеплять веки очень не хотелось. На секундочку внутри всё заныло от ужаса – так бывает, когда просыпаешься от воображаемого неостановимого падения. Он глубоко вдохнул сырой сладко-затхлый воздух помещения. Голова закружилась. Проснулся только следующим вечером, заботливо завернутый в плед, в штанах, но без рубашки. Не найдя на теле ни царапины, томимый лишь сушняком и головокружением, побродил по студеному дому, никого не увидел. Перекрестился, умылся, побрился. Нашел аккуратно сложенную стопку чистого, отУТЮТЮТЮтуженного белья, хмыкнул на записку с кривыми буквами: «для сладенького фра Базилио». Переоделся, поклонился на прощанье (ему чудилось, дом молчаливо наблюдает за ним) и вышел в снегопад. Взрывались петарды, встречные прохожие поздравляли с Новым Годом. Оглянулся еще раз – в особняке с двумя шпилями окна чернели голодными зевами, из труб не поднимался дым. Зброшенная, проклятая обитель мрака. Приют скитальцев между мирами, связанных кровавыми узами. Вампиры не стали зажигать свет. Они и так прекрасно видели.

«Синие Ромашки» недавно открыли себе офис в двух шагах от собственного дома, от дома с двумя шпилями. Цены на аренду офисов всё время падали, падали, потому что никто не покупал, не покупал. . . И вот они решились. Представителями там работают Виго и Ксандр, им удаются все сделки, потому что они ВЛАДеют языками; иностранными. И они очаровательны. Даже без грима.

- А как ты узнал, что он – вампир?
- Да у него на лице слой тональника в палец толщиной и усы – нарисованные.
- Что вы бредите? Какие вампиры? Их не существует!
- Да, действительно, как можно верить в существование упырей?!

Ксандр со скуки нашел себе работу корректора (раз уж пост министра поблизости от жилья никто не предлагал), вдохновенно чиркал правки и ухаживал за хозяйской кошкой май-Мэдсин-Квин-Валерианой. Странно, как еще ни завёл граммофон со скрипичными концертами на пластинках и портрет Оскара Уайльда, по старой-то памяти. Валериана обладала даром смотреть на королей. Тонкий магический мир был ей знаком не наугад и не на ощупь, она жила разом во всех мирах.

Сразу у двери висело небольшое зеркало, порядком засиженное мухами. Стоял трехногий стул, вернувшийся с помойки в дом. Что-то гудело в трубах, и на кухне капала вода. Квартира отапливалась буржуйкой. Дрова в красном её зеве шипели и с треском разбрасывали искры и сажу. Облупившиеся желтые стены, хлипкие, полусгнившие оконные рамы. Вид открывался как раз на памятное место кровавого расстрела мирной манифестации гапоновцев. И здоровенную триумфальную арку. Ах, как здесь хорошо ночами!

Безлюдные улицы, брошенные автомобили. Сугробы даже на подоконниках. Вика раскапывала вход маленькой деревянной лопаткой, обитой жстью. Если бы не она – друзья остались погребены, занесенные снегами до весны. Им было лень выгребать завалы. Они, обнявшись, смотрели грустно из окон второго этажа на порхающие снежинки, а ведь могли бы вылезти и помочь. Ночью город не спал. Он продолжал проживать деятельную тeneвую жизнь свою. Его не касались и не волновали чьи-то безудержные всплески гормонов, словно обезумевшие муравьи с бубнами пляшут под кожей. Сейчас же, утром, в жиденьком жемчужном рассвете плавали луна и солнце. Город замер, вздремнул, ласковый чешуйчатый зверь на руках у улюлюлю. Шершавое толстое неполнозубое.

- «В меня впитался чёртов запах кофе, и теперь любой поймёт, где я поселился».
- «Ой, да кому это надо? кроме демонов. А они и без запаха тебя найдут.».
- «А, может, это ты нарочно меня запугиваешь, наводишь морок?»

С белья в ванной стекала вода и барабанила по дну эмалированного тазика. Выбившись из сил думать об Ушедшем, с искаженным лицом, он бродил из комнаты в комнату, окутанный сизыми лентами фимиама, сжигаемого тут и там в керамических площадках.

Ди как-то глянул Ксандру через плечо и ужаснулся: "Драгай Лвалсий Влдамииворчи?! О, Древние, да как тебя, с твоей моранской дисграфией, взяли корректором?!" – «Я правлю стиль, а не орфографию.»

Он медленно встал (скрипнул отодвинутый стул, глухим треском отозвались разошедшиеся доски пола, пробежал испуганный паук) и ушел в дальнюю комнату, где хранил чемоданчик с ампулами.

– Мне не хотелось быть вестником дурных новостей, но, мне кажется, ты должен быть в курсе, – Шу как-то замялся, сделал неопределенный жест рукой. – У нас с Ксандром был поставщик ампулок, нелегальный, конечно, но его поймали, перекрыли канал, а в последний раз там была облава, еле ноги унес. В общем, у нас на троих осталось полторы дозы. Моранцы установили запрет на экспорт. Виго тёртый калач, а мне и Ксафе несладко.

– Троих мне не снести. Вся надежда, что Вика что-нибудь придумает. А, Вик? Помоги братьям.

Ди уже открыл глаза и со скрипом отвечал на вопросы. Если бы не яркий румянец на скулах, он бы не отличался от крахмальной белизны подушек, но он несколько не был мрачен. Смеяться мешала боль, захватившая всю левую половину груди, по диагонали – от ключицы и до поясницы и отдававшаяся в ногу.

Вика, бледно-зеленая в пупырышку, только что ни светила от яростной жадности, тихо причитала на шипящем языке Сумеречья:

– Сбежать от меня удумал?! Прибью душу к телу медными гвоздями – будешь как жук на булавках. А если этот цирк – чтоб красными нитями притянуть к себе еще и мастера Базилио, – твои потуги даже жалости не вызовут. Ты ему БЭЗразличен – и это лучшее. Хуже – если ненавистен.

– Учи ученого. Рукоплещи себе: размазала меня по нижней границе жизни.

– Я что-то слышала про дивную флору, цветущую под арктическим солнцем. Это очень продвинутая форма жизни, строго говоря, она не похожа ни на что земное, и они неразумны в том качестве, как понимают разум люди. Но для нас они – находка, их внутренне содержимое идентично составу людской крови. Только путь далёк и опасен. Мне понадобятся двое с половиной суток на дорогу туда. Эти милые деревца-рогульки не потерпят такого обхождения. Я думаю, стоит обсудить вопрос об интродукции этой расы где-нибудь поближе.

– Ты собралась купить целую планету? И засадить её чужеродными объектами? Да тебя на смех подымут. И где, где?

– Ну, я уже веду переговоры в системе Сердце Карла. Если не выгорит – кажется, мои идеи интересуют сириусян. Срок – неделя. Потерпите. Зато потом, железно, горя знать не будете.

Одна неделя, а далась тяжело.

Ксандр совсем занемог. Спал с лица, пострашнел, отошал, по частям разваливается, *баный киборг. Послали его в поликлинику. Вы представляете себе?! Это чудо идёт по зеленым коридорам в синих бахилах поверх великолепных замшевых туфель, брюки в тоненькую полоску из дорогого материала, парфюм табачно-кофейный и кипенно-белый джемпер с тремя золотыми пуговками. Лысина, конечно, куда деваться, очки темные носит и легкая небричность. Отстоял три очереди, никому не хамил, получил талон – никому не хамил, две дюжие бабищи с трудом выдоили из его пальца пол-трубочки, а вену вообще не нашли.

Бэз справился о здоровье Ксандра Заможского, к которому питал робкую симпатию. Вместо ответа Ди хитро улыбнулся, покосившись на дверь – изысканный и тихий пожаловал Ксандр.

– Лучше легкая смерть, чем классическая советская медицина.

– Да, кровь брали из пальца, а у бедняги синяк на пол-руки.

– Это не беда. Стою я на переходе, чихаю, слышу, желают мне доброго здоровьяца. Я благодарю, оборачиваюсь... "Доппельгангер!" – с ужасом думаем мы оба. "Вы бахили забыли снять", – а у самого в голове дикие-дикие мысли: "Моя покойная матушка рассказывала без утайки всё, что детям обычно не доверяют, но почему не упомянула, что у меня есть брат-близнец?" – а вслух: "Может быть, вас подвезти? Вы... недалеко живете?" – "Да, через две улицы." Еле отвязался от него, йожкин кот.

– Ну ты молодец, самому себе напророчил кончину.

– А тебе весело, Тень; нашу святую троицу скрючило, а ты по-прежнему бодр и нет желания вгрызться в горло постороннему в темном переулке.

Бэзил насторожился и с тоской глянул на канареечный шарфик. "Удавиться?"

– Я что шел? Приглашаю в гости на день рождения.

Вручил раззолоченную открытку, такой милый и ласковый; услышал паническую мысль Холлуорда: "а что дарить-то?"

– Мышиного цвета брюки с высокой талией и зонтик, обычный, черный, механический.

– Х-х-хорошо, – Василий Георгиевич оправился от угрюмой задумчивости и рассмеялся, очень вежливо, но искренно. Его одного в компании Ди ценил и уважал художник. Знал, что двум смертям не бывать, но всё равно переживал за здоровье приятеля. Знал, что он ему не защитник, но чувствовал себя спокойнее, если он был рядом. И тут Ди хлопает по коленям, вскакивает с одра и сообщает, что в "Синих Ромашках" сейчас мёртвый сезон по части камнерезной мастерской, ему нужно по делам уехать, дома – никого, а оставлять друга скучать одного, да еще, хотя тот и идет на поправку, не оклемавшегося как следует, не может, поэтому просит Бэзила скрасить время.

"Чай, кофе?" – невпопад предложил Пустослов. Ксандр, само очарование, сказал, что у него "другая диета". Сидел, освещённый полуденным солнцем, с ногами на подоконнике (естественно, он спросил разрешения и газетку подстелил) у открытого окна и кормил хлебными крошками прилетающих больших и маленьких птичек. Бэзил быстро свернул свои худ-работы, и они вдвоём пошли прогуляться по парку. Ксандр тактично облегчил спутнику мучительный выбор верной фразы:

– Нет нужды. Я в порядке. Немного сонный и слабый. Когда пройти от двери до стола, от стола – до шкафа – уже героическое путешествие.

Маленькие ухоженные руки спрятались в мягких кожаных перчатках. Полувоенное, потрёпанное пальто; старые, но чистые и отутюженные брюки от жемчужного мундира. Волосы зачёсаны назад. За дымчатыми стёклами очков – просвечивающие розовым в свете солнца внимательные, умные глаза. На запястье правой руки Бэзил заметил тонкий серебряный браслет со змеиным узором и надписью готическим шрифтом, по-немецки: "Отблаговари своих вампиров".

– Мне не идет? Как я мог согласиться вступить в этот союз? Я не стал сопротивляться. Всё было в новь. Я думал, мне по силам поселить в тот мир красоту и благополучие. Справедливость. О, моя речь куда беднее мыслей. Прости, я испытываю трудность в словах, наследье Мораньи. Виго заперт там куда дольше, сильно помог мне в начале, но потом его консерватизм стал вреден.

– Я знаю эту историю.

– О. *ОН* тебе многое поверяет?

– О, извини, – Холлуорд стиснул зубы, чтоб не ляпнуть еще чего. Неприятно. Уши и щеки вот-вот предательски вспыхнут. На счастье, Ксандр не стал лезть ему в душу, рассеянно и кротко заключив:

– Дальнотзорному виднее.

– Я по своей воле никогда бы не принял бессмертия. Это... высшая мера наказания, это противоречит человеческой природе. Бессмертие умаляет и уничтожает любые наши доблестные порывы и стирает поступки в прах. В его кривом зеркале ты больше не увидишь своего отражения, потому что ты растворишься в собственном бессмертии, ты более ничто, ты – это оно. Мне страшно.

Едкие непрошенные слёзы набрались в теплых ореховых глазах художника.

– Ну-ну, друг мой, не отчаивайся! Подумай – каково мне? свергнутый диктатор. А Виго? Беглый каторжник...

– Никак не привыкну, что меня как бы нет. Что ничего вообще – нет.

– Всё сон, всё майя. И всё-таки ты существуешь. И мир вокруг. И горько-сладкая печаль по упущенным мгновениям и Невыразимому. У тебя есть твой дар, ты можешь бесконечно творить.

– Нет, не могу. Вечность отнимает цели. Я чувствую, что уже достиг всего, чего желал. И прекрасная техника, безукоризненность линий меня не радуют. Я вынужден повторяться.

– Твои работы хороши. Я не видел ни одной похожей на другую. У них удивительный, особый, лично твой стиль. Мне ближе то, что ты делаешь для театра. Глубже, невероятнее, прекраснее, чем у любимого мною Эрте.

– Модерн давно изжил себя, – вздохнул Василий Георгиевич, всё же немало польщенный. – Ди прав: я только копиист. И критик Калякин-Кузякин туда же: я ничего не открыл.

– Брось, – негромко, ободряюще-добродушно рассмеялся бывший министр. – Напиши лучше мой портрет. Сделаешь миниатюру. Или камею. Всё занятие.

Пустослов развернулся и пристально глянул на собеседника.

– Прости... Эээ... немного неожиданно... Ди всегда запрещал.

– Ну, считай это его маленьким магическим "пунктиком". На молоке ожога.

Бэзил ничего не сказал, только почесал кучерявую голову и подумал: "А у молока были пышные титулы и революционный жар?" Лицо Ксандра озарила озорная усмешка в ответ на несдержанные мысли товарища.

Уплетали трюфели "Восхищение" фабрики "Волшебница". Бэзил раздраженно махал руками и прохаживался на счет творческих потуг Никаса Сафронова и Мишеньки Сатарова, этих придворных живописцев. "Изуверство! Варвары! Рафаэль с папироской! Боттичеллиева Венера – анорексичная моделька!" – "Бэз, это зависть к успеху цеховых товарищей".

– Почему бы тебе не продать часть своих работ? Или не послать на выставку? Многие галереи...

– Был я, был! До сих пор в кошмарах снится "АРТ-Москва" и их худсовет: Гниль, Гиль, Ноль и Деготь! Моего золотого льва высмеяли, а на инсталляцию "решетка-круглые отверстия-пушистые запятыя" обрушились с такой критикой, какой от воспитанных и образованных людей не ожидаешь. Утритесь, как говорится. Все вертелись вокруг "белого знака сложения на красном" Катмандуевой и "оливковых полосок, направленных против оранжевых стрелок" Габриэла фон Петросяна, – и вдруг:

– Колено – как?

– Спасибо, скрипит по-маленьку. Вика раздобыла лечебный гель.

Диалоги с Бездной

Мир чертовски тесен. Ты помысли иное: сколь много потомков оставил беззаботный мальчик НИКТО? Впрочем, в большинстве своем, они наследовали положительные черты, а не патологии. Кстати, а кого считают потомками упырей – тех, кого они зачали или тех, кого обратили? Интересно даже, кому да кому вы это рассказываете? Среда, время... Время, среда... Арзаньоку обожал эксперименты. На себе. Но ни один не довел до конца.

Среда, друг мой, такая среда....что, если среда побеждает наследственность, а? вдруг? вдруг поведение человеческое зависит не от того, кто лет так двадцать назад нехило так погулял по деревне, а от того, кто все эти двадцать лет разруливал последствия? Из майора мог выйти поэт и музыкант, актер. Если бы не... Дхарма такая дхарма. Значит, его потомки, сами того не ведая, могут воплощать иные, не законченные их праотцом пути. Выбор. Свершившийся и совершаемый. Я прям вижу как Вика, помочившись на его мавзолей, пьет коньяк из горла и разговаривает с холмами. Наш эройул несравненен. Он сам себе идолице и молельня.

И что же делать родному отцу, тому самому, что дал столь важную У-хромосому своему сынишке, если он, отец, неожиданно осознал, что ни нос, ни профиль, ни фирменный взгляд, ни даже его, отцовское, непобедимое обаяние, сынок-то не унаследовал, а? Да, все люди чем-то похожи. Цвет волос, цвет глаз да и, пожалуй, рост. Этого достаточно, чтоб в неясном тумане уловить едва различимое сходство. Потом сверить даты, имена, пароли и еще больше в своей решимости убедиться. Но вот что потом?

Да, да, родимый, не отмахивайся, перед тобой твой отпрыск. Потомок, ребенок, сын. Память-то, зараза-злодейка, упрямо подтверждает, маменька его, в деревне Н проживала, к западу от... и к югу от... И ты там был. И ты помнишь, что сделал. И ее помнишь. Ох, память-злодейка. Ей было шестнадцать той весной. И да, вот результат. Знал? Знал. Ждал? Ждал! Ах, не ждал? ну тогда извини. Результат вот он, перед тобой. Кто воды коням принес? Кто собаку плетью бил? Похож? А то! Но, что если, при дальнейшем разборе полета, оказывается, что и не похож вовсе. Где статья? Где прыть? Где оскал? Нет? Почему нет?!

«О чем, черт побери, речь? Конечно, дети это уже не то, блин комом. Заочно. Бездоказательно. Денег нет. Недвижимость за долги продал. Имени нет. Герб и тот...»

– Да, да, признай блин комом заочно, отпусти, не неволь. Как ты говорил? Расслабься и получай удовольствие. От того, что гены твои, уж не золотые, не бриллиантовые, не слишком-то хорошие гены, все же не пропали. Что на планете останется кто-то после тебя. Прими это и расслабься. Нет? Не получается? Расслабиться не получается. А всё почему? Потому что! Потому что обидно, ять. Все же хочется, хочется, чтоб похож был. Чтоб смотреть как в зеркало. И гордиться.

«Если в школе чем помочь...? Тригонометрия, физика? Много вас развелось, гляжу. Но в армию не годитесь. Кому мышку, а кому пустышку. Сходство будет видно с возрастом. Эта жизнь была ошибкой.»

– А может, проблема не в том, что гордиться не получается. И не в том, что сам не похож как зеркальный двойник. Проблема в том, что, каждый раз, глядя на этот отпрыск, на этот росток (побег гордого дерева, ять) ты видишь не его, а того, кто все эти годы его воспитывал. Кто был ему отцом и кому он был сыном. Презренный простой смертный, жалкий, никчемный... Да что он может?! Что он мог... Но вот его уважают, ценят. Да, да, даже за что-то ценят, за что-то уважают. Им даже гордятся. А вот тобой? тобой, кто погулял двадцать лет назад по деревне... тобой гордятся? Нет. Твой сын, плоть твоя, кровь твоя (да, да, ладно, и мамы его, что тоже хороша, что уж говорить) гордится не тобой. А тебя? Тебя жалеет...

«Бун. Мульцумеск мульц, кощёном, баратом. Жалость... То чего терпеть не могу. Жалость ядовита. Придурок. Попы мозги промыли.»

– Только вот одно интересно. Ты не видишь ни стати, ни прыти, ни оскала твоего. Но ты не знаешь, что там в голове. Что, если дух твой, удаль твоя там есть? А? Просто обертка другая, а вот наполнение? Жалость она такая. Горькое лекарство. Заставляет тебя понять, что к тебе относятся лучше, чем ты заслуживаешь.

«Ахаха забавный маленький сверток с начинкой, мать пирожком называла?»

– И тут уже два выхода – или смиренно поблагодарить и попытаться соответствовать хорошему к себе отношению. Или жалеющего растерзать. Уничтожить. Испепелить. Прогнать. В общем, сделать всё, всё от тебя зависящие, чтобы не меняться.

«А мне надо твоих одолжений, ссынок? Сам уйдешь? Или могу помочь. Вот нелепые живые люди!»

– Поскольку меняться страшно. И больно. И трудно. Но еще труднее – признать себя неправым. Неправый – ошибаешься. (Мну никогда не ошибается!) Ошибаешься – дурак! (Мну не дурак!) Признать свою ошибку и пойти дальше могут не все. Для этого нужна смелость. И цельность. А вот смелости тебе не хватает. Впрочем, это не так уж и плохо. Не боится только тот, у кого с головой проблемы, боятся иногда и смельчаки. Тут можно было бы, конечно, еще по веревочке вверх подняться да подумать, отчего же так сложно признавать ошибки, но это разговор долгий... А вот теперь еще ласковый пиночек. Что блаженный тебя жалеет, это уж его карма (считай, его личные тараканы в голове). А вот как ты на это реагируешь, разливая вокруг реки желчи и яда, это карма твоя. И говорит больше о тебе, какой ты человек, нежели о том, какой он дурак.

«Пользуешься моей нынешней слабостью. Почему не пришел пять лет назад? Ты не тыкай мне в мои стигмы. Блажененький. Не дорос еще, не созрел. Так. Кто владеет именем – владеет судьбой. Как зовут орленка? Найду гнездо. Найду приманку, найду и средство. Достаал. Ссукааа. Душили мы, душили. Ааа! Виикаааааа! Вика, мать твою!!! Какого хрена?! Не могила, а проходная!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.